

Научная статья

УДК 141.319.8

doi: 10.47475/1994-2796-2026-507-1-105-112

ТРИ АРГУМЕНТА В ЗАЩИТУ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ФЕНОМЕНОВ ПОВСЕДНЕВНОЙ ТЕАТРАЛЬНОСТИ И КАЖИМОСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Майя Вильевна Рахимова

Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, Челябинск, Россия,
mayesta@mail.ru, 0000-0002-5343-748X

Аннотация. В работе осмысливается диалектическая связь феноменов кажимости и повседневной театральности, онтологический характер их предполагаемого взаимодействия. Озвучивается тезис о бытийном статусе театральности природы как до опыта данном, внутренне присущем свойстве человека. Разрабатываются три аргумента, обосновывающих устойчивую диалектическую связь кажимости и повседневной театральности. Согласно аргументу от обусловленности, материальная обусловленность характерна как кажимости, так и повседневной театральности, поскольку проявляет потенциальное бытие и театральную природу в их материальной интерпретации и обладает необходимой для проявления в материи феноменологической силой адаптации. Согласно аргументу от причинности, будучи материально обусловленным, человек не свободен от причинности, он ее носитель. При взаимодействии с другими людьми причинность нуждается в «драматическом прикрытии», позволяющем адаптироваться к предлагаемым обстоятельствам повседневности. В этом контексте причинность выступает как драматургический принцип повседневного взаимодействия. Согласно аргументу от «присутствия», театральная природа человека может интерпретироваться как своего рода экзистенциал, проявляющий себя с помощью феномена повседневной театральности. «Присутствие» присуще адаптационной природе человека и внешне выглядит как драматическое поведение, тем самым обуславливая возможность человека — казаться самому себе, «быть для самого себя и другого», проявляться с помощью драматического «присутствия».

Ключевые слова: повседневная театральность, театральная природа человека, материальная обусловленность, причинность, «присутствие»

Для цитирования: Рахимова М. В. Три аргумента в защиту диалектической связи феноменов повседневной театральности и кажимости: философский анализ // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 1 (507). С. 105–112. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-507-1-105-112.

Original article

ON THE DIALECTIC OF EVERYDAY THEATRICALITY AND APPEARANCE: THREE ARGUMENTS IN DEFENSE (PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

Maya V. Rakhimova

South Ural State Institute of Art named after P. I. Tchaikovsky, Chelyabinsk, Russia, mayesta@mail.ru, 0000-0002-5343-748X

Abstract. The work comprehends the dialectical connection between the phenomena of appearance and everyday theatricality, the ontological nature of their alleged interaction. The thesis is voiced about the existential status of theatrical nature as a given, intrinsic property of a human being before experience. Three arguments are being developed to substantiate a stable dialectical connection between appearance and everyday theatricality. According to the argument from conditioning, material conditioning is characteristic of both appearance and everyday theatricality, since it manifests potential being and theatrical nature in their material interpretation and has the phenomenological force of adaptation necessary for manifestation in matter. According to the argument from causality, being materially conditioned, a human being is not free from causality, he is its bearer. When interacting with other people, causality needs a "dramatic cover" to adapt to the proposed circumstances of everyday life. In this context, causality acts as a dramatic principle of everyday interaction.

According to the argument from "presence", the theatrical nature of a human being can be interpreted as a kind of existential, manifesting itself through the phenomenon of everyday theatricality. "Presence" is inherent in the adaptive nature of a human being and outwardly looks like dramatic behavior, thereby determining a person's ability to appear to himself, "be for himself and another," and manifest himself through dramatic "presence."

Keywords: everyday theatricality, theatrical human nature, material conditioning, causality, "presence"

For citation: Rakhimova MV. On the Dialectic of Everyday Theatricality and Appearance: Three Arguments in Defense (Philosophical Analysis). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(1(507):105-112. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-507-1-105-112.

Введение

В стремлении осмыслить феномен повседневной театральности на уровне философии, сложно обойти стороной проблему кажимости (иллюзии) в ее философском контексте. Обращение к кажимости помогает заметить ее глубинную связь с функциональным предназначением повседневной театральности, а также предположить онтологический статус театральной природы человека как исходной, врожденной (до опыта данной) его природы.

Кажимость [11] мыслится в данной работе в контексте силового чувственного поля видимости, грез и иллюзий [3], сопутствующих миру представления, миру, вечно проявляющего и проясняющего себя «присутствия», в котором на постоянной основе реализует себя человек.

Способами и «инструментами», которыми он проявляет себя в мире кажимости и грез, всякий раз оказываются способы, по форме напоминающие драматические средства выразительности. При этом человек не преследует цели художественного воздействия на другого человека; он просто живет, взаимодействует с другими, выстраивает свой мир, ищет место в социуме. По этой причине внешне выглядящие драматическими, но на самом деле являющиеся адаптационными, инструменты приспособления человека в социуме, представляют определенный научный интерес в контексте их онтологического статуса.

В качестве рабочей гипотезы выступает тезис о диалектической связи мира кажимости с феноменом повседневной театральности, приспособливающим человека к социальной среде драматическими средствами выразительности, понятными миру кажимости благодаря их общей природе представления.

Напомним, что повседневная театральность осмысливается как философско-антропологический феномен, отвечающий за адаптационные навыки человека. Речь идет о комплексе способностей (экзистенциальных, эвристических и др.) человека к выживанию в социально-культурной среде, наполненной социально-волевой и психически-си-

ловой коммуникацией, где, чтобы сохраниться и преуспеть, необходимо быстро реагировать на вызовы внешнего и внутреннего порядка антагонистически-настроенного, психологически-турбулентного «плавильного» котла, имя которому общество.

Повседневная театральность представляет собой комплекс свойств и умений человека, которыми он пользуется по умолчанию, не осознавая природу задействованного инструмента. Тем не менее, данный феномен, скорее всего, чрезвычайно древний и устойчивый, обеспечивает человеку возможность складывать представление о себе, выглядеть согласно желаемым, востребованным образам и реагировать на события, реплики, предлагаемые жизненные обстоятельства вполне конкретными сценариями, уверенно считываемыми другими людьми по той причине, что язык коммуникации (как способ связи и мышления) выглядит как единый театральный язык общения: он драматургически предсказуем, адаптационно-клиширован, архетипически стереотипен и потому — понятен.

Да, человек — больше, чем один [8, с. 28, 29]: это замечание Ж. Деррида справедливо как в отношении толпы, так и в отношении состояния «единочества» [8, с. 20, 125, 128], когда, даже наедине с собой, человек, тем не менее, не равен самому себе.

Человек себе дан, но не равен себе, так как его данность наполнена состояниями грез, мнимостей, иллюзий [8, с. 23], и это неизбежно расширяет границы идентичности, репрезентации и «саморепрезентации» в социуме и наедине с собой. Помимо богатой грезами внутренней жизни, есть еще жизнь внешняя, наполненная социальными представлениями и ролями, которые также влияют на экзистенциальные контуры человека. Постоянное присутствие в жизни человека грез, образов и представлений не дает сосредоточиться на поиске своего естества, отвлекает и формирует устойчивое привыкание к театральному себе.

Вдумчивое наблюдение позволяет заметить, что, выстраивая коммуникацию и социальное

взаимодействие, человек проживает внутри себя состояние «раздвоенности»: транслируя во внешний мир востребуемые обстоятельствами образы, реплики, жизненные сценарии, он одновременно будто наблюдает за происходящим внутренним взглядом, сохраняя сокрытыми свою подлинную волю и естество.

Раздвоенное состояние при общении оказывается полезным, так как формирует защитный барьер между человеком и социумом, но в то же время отдаляет от искренности, место которой занимает видимость таковой, настолько убедительная, что сам человек полагается на созданный им образ или наблюдаемый образ «другого», доверяет образу, свыкается с ним.

При всем стремлении человека к подлинному общению и подлинным чувствам, при соприкосновении стремлений с повседневностью наблюдается широко распространенная метаморфоза, когда искренность уступает место притворству, подлинные чувства камуфлируются согласно жизненному опыту и штампам социальной мимикрии и далеко не последнее место в процессах занимает кажимость.

Почему так происходит? Почему человек театрален в обычной жизни? Как кажимость связана с повседневной театральностью? В поисках аргументации и философского обоснования диалектической связи феноменов обратимся к концептуальному анализу с последующим его аналитическим осмыслением.

Аргумент от обусловленности

Чтобы раскрыть содержание связи, обратимся прежде к осмыслению кажимости (иллюзии) как философской проблемы. Учитывая колоссальный объем литературы по теме, а также невозможность овладеть им в полной мере, сосредоточим внимание на отдельных научных работах, которые помогают отразить специфику диалектики с точки зрения автора.

«Мир есть мое представление...» пояснит в первом же размышлении А. Шопенгауэр и предложит читателю опереться на данное высказывание как на весомый тезис. Окружающий мир с самого начала существует «по отношению к другому, к представляющему, каковым является человек [15, с. 35].

Связь с человеком, с субъектом делает мир предельно уязвимым в той мере, в какой уязвимым является сам человек как родитель и дитя иллюзий и интерпретаций. Итогом субъективной уязвимости вполне становится реальность как «вымышленная несурзность», а все потому, что

она — часть большого обмана, грезы, иллюзии: «это Майя, покрывало обмана, застилает глаза смертным и заставляет их видеть мир, о котором нельзя сказать — ни что он существует, ни что он не существует; ибо он подобен сновидению, подобен отблеску солнца на песке, который путник издали принимает за воду, или — брошенной веревке, которая кажется ему змеей» [15, с. 38, 42, 43].

О всемогущей силе иллюзии в метафизическом ключе говорит Бхагават-гита, согласно которой иллюзией пронизан весь мир. Иллюзию как «чувство отдаленности от Бога» называют Майей, где «Ма» значит «не» а «йа» значит «это» [5, с. 245], то есть — «не это», — видимость, кажимость, интерпретация. Абсолютную Истину, покрытую майей, в свою очередь называют материей [5, с. 234].

Транспонируя религиозный аспект в философское его осмысление, хотелось бы привести в пример Абсолютное, но недействующее — «чистое бытие», «чистое ничто». Это равные себе, бескачественные, свободные от определенности, которую могли бы получить внутри себя, — категории [6, с. 56]. Для того чтобы быть, стать, претвориться в «нечто» и «иное» [6, с. 62], им понадобятся трудные процессы перехода, становления, благодаря которым, согласно Г. Гегелю, сможет обнаружить себя в действительности «наличное бытие».

«Наличное бытие» полно противоречий, отрицаний себя, сложно назвать его совершенным, но именно оно проявляет, «высвечивает» драгоценные качества «чистого бытия», в свернутом состоянии хранящиеся в Абсолюте. Возможно, в своем становлении «чистое бытие» теряет исходную созерцательную пустоту, но зато обретает форму, материальный путь, природу, обрастает «реальной действительностью как вещь со многими свойствами, как существующий мир ... в многообразии простого существования» [7, с. 158].

Материальная природа, согласно Бхагават-Гите, состоит из качеств (трех гун). Над ними властвует вечное время, и сочетание гун материальной природы под властью вечного времени дает начала различным видам деятельности, которые называют кармой [5, с. 25]. «Наличное бытие», согласно Г. Гегелю, также обретает определенные качества (реальности и отрицания), формирующие нечто, налично сущее [6, с. 81]. Религиозный и философский взгляд на «бытийное становление» в данном конкретном пункте достаточно синхроничен, это помогает осмыслению проблемы.

В Бхагават-Гите уточняется, что не только природу, но и материально оскверненное — живое — существо называют «обусловленным». Его ложное сознание проявляется в том, что оно считает себя порождением материальной природы, в то время как оно — не творец и не наслаждающийся, а лишь соучастник. Это его создают и им наслаждаются [5, с. 27, 28].

Интересно отметить, что схожим образом осмысливает рождение и предназначение человека в диалоге «Законы» Платон, когда пишет, что мы, живые существа, — это «чудесные куклы богов, сделанные ими либо для забавы, либо с какой-то конкретной целью...» [12, с. 1049]. Так, живое существо «вписано» в контекст больших божественных сценариев, которым сложно сопротивляться уже потому, что с самого начала своего существования живое существо — «обусловлено», то есть задано, дано, оно вторично по отношению к истине, оно интерпретационно, «опредмечено» согласно потенциалам материи.

Следуя индийской философско-религиозной традиции, душа человека так же, как тело, обусловлена, соткана из гун, складывающих характер и поведение. Когда вечное живое существо входит в соприкосновение с материальной природой, три гуны обуславливают его — это гуна благости «саттва», гуна страсти «раджас» и гуна невежества «тамас» [5, с. 613, 620].

В «Бхагават-гите» гуны описываются как «веревки», как «качества, свойства, нити, пряди», как «три режима деятельности» иллюзорной материальной энергии, обуславливающей живые существа [5, с. 773]. Они постоянно смешиваются, в результате чего получается крепкая веревка, состоящая из гун, переплетенных бесчисленное количество раз [13, с. 101, 102].

Удивительно, но Платон, размышляя о человеке — кукле (игрушке богов), также подмечает в человеке некоторые «внутренние состояния», которые точно шнурки или нити тянут и влекут каждое в свою сторону и, так как они противоположны, увлекают людей к противоположным действиям, что служит разграничением добродетели и порока [12, с. 1049].

«Внутренние состояния» человека принадлежат его внутреннему миру, но даже будучи обусловленными гунами (нитями), заданными в контексте определенных свойств, качеств, сценариев материи, они играют колоссальную роль в самоопределении и становлении человека, служат возможностью его нравственного взлета либо падения во внешнем мире, который, в свою очередь,

также соткан иллюзией, понимает язык иллюзии и нуждается в ней.

Как представляется, материальная обусловленность характерна феномену кажимости, проявляющему потенциальное бытие в его материальной интерпретации. Обусловленность жизненно необходима, востребована как «наличествующее» первоначало для мира в целом и человека в частности. И если вслед за Аристотелем полагать «началом то в вещи, откуда начинается движение; то, откуда всякое дело лучше всего может удасться» [2, с. 121], то в человеке таким «движительным» началом выступает Его материальная обусловленность, обладающая в том числе силой адаптации психологического и социального порядка.

Аргумент от причинности

Приспосабливая себя к миру и мир к себе, человек действует, воздействует, взаимодействует с миром и другими людьми. Действуя, он учится оказывать влияние на того, с кем находится в контакте и так добивается нужного результата.

Учитывая этот аспект, мы можем обнаружить в природе взаимодействия наличие некоторой глубинной причины, о которой не принято говорить открыто, но которая формирует контекст общения. Средства влияния, наиболее отвечающие результату, это, как правило, драматические по форме средства. Как могут быть связаны причинность и драматическое поведение в повседневности?

А. Шопенгауэр обращает внимание на причинность как форму взаимообусловленности явлений и процессов бытия. Он говорит, что бытие материи предполагает ее действие. Только действуя, наполняет она пространство, наполняет она время; ее воздействие на объект (который сам есть материя) обуславливает собою созерцание, в котором она только и существует; результат воздействия каждого иного материального объекта на другой познается лишь потому, что последний теперь иначе, чем раньше, действует на непосредственный объект, и только в этом названный результат и состоит [15, с. 44]. Страстная внутренняя сила мира (объектов и субъектов) в свою очередь несет в себе колоссальный потенциал воли (желания, мотива [15, с. 197]), побуждающий мир к действию, к проявлению себя, к объективации, к представлению [15, с. 187, 188].

Размышляя о причинности, Аристотель пишет следующее: «...то, что возникает, — возникает вследствие чего-нибудь, из чего-то и становится чем-то», поскольку причина многогранна: она связана и с содержимым вещи, и с формой

(первообразом), и с целью (то, ради чего вещь либо действие) [2, с. 122, 204].

Упоминание об активной связи действия и причины в развертывании действительности как единства сущности и существования находим также в работе Г. Гегеля «Наука логики». Философ пишет о взаимной обусловленности действия и причины, о том, что причина – первоначальна по отношению к действию, а действие потому необходимо, что именно в нем обнаруживает себя причина, иначе говоря, оно та необходимость, которая есть причина [7, с. 171–173]. Сама же причина, что примечательно, — обусловлена [7, с. 179]; она нуждается в движении и взаимодействии (взаимной причинности обуславливающих друг друга субстанций) [7, с. 183].

Как представляется, причинность лежит в самом основании бытия материи. Будучи материально обусловленным, человек не свободен от причинности, он ее носитель. Причинность во взаимодействии с другими людьми нуждается в «драматическом прикрытии» (гриме, костюме, образе, роли, мимикрии), которое позволяет, не оглашая причину, действовать сохранным для себя образом и так адаптироваться к предлагаемым обстоятельствам повседневности. Причинность невольно выступает как драматургический принцип повседневного взаимодействия.

Абсолютная истина, «чистое бытие», божественный замысел (и в религиозном, и в философском контексте), при попытке перейти из состояния чистой потенции в состояние овеществленного бытия неминуемо обуславливается качествами (гунами) материи. Обусловленность и причинность проявляют изначальный чистый замысел доступными средствами — средствами материи и представления, в результате чего складывается кажимый видимый мир. Если мир, обладающий волей и способностью к представлению, соткан из кажимостей, значит, это есть способы мира — проявляться и существовать.

Подумать только: даже мысль, будучи цельной при рождении в сознании, проявляя себя в речи, на бумаге, неминуемо теряет цельность и исходную чистоту, так как слова (сказанные и написанные) есть все-таки интерпретация мысли, а не сама мысль, это попытка воплотить мысль как замысел, и нюансы в воплощении неизбежны. Так, опредмеченная в слове, мысль обретает материю и некоторое искажение, однако доносит до слушателя определенное представление о востребуемом смысле, намекает на него. Можно предположить, что и мир как представление,

предстает как интерпретация, кажимая благодаря материи. Человек, в свою очередь, будучи частью материальной кажимости, предположительно обладает и определенным набором физических и психических свойств, совпадающих с кажимостью и понятных ей.

Как один материальный объект при взаимодействии с другим объектом в мире представлений не может избежать воздействия на него и не испытывать взаимного воздействия, так и любое общение в социальной среде сложно представить свободным от внушений, манипуляций, воздействий собеседников друг на друга. Воздействуя, человек, скорее всего, применяет конкретные техники и приемы, позволяющие ему прочувствовать собеседника, достичь в общении конкретного результата, а также повлиять на мир представлений наилучшим для своей адаптации способом.

Театральные техники самовыражения, помогающие человеку и социуму в целом адаптироваться к сложным предлагаемым обстоятельствам совместного выживания, говорят на языке образов, представлений, умеют обмениваться иллюзиями, грезами, кажимостями и таким образом становятся понятными для большинства. Драматический язык предстает как единый адаптационный язык социальной коммуникации с набором устойчивых клише и сценариев, и он необходим миру представления, поскольку не вызывает отторжения, он предсказуем и обусловлен. Причинность, свойственная материально обусловленному миру кажимости, находит свое преломление и применение в среде человека с помощью инструментов повседневной театральности.

Аргумент от «присутствия»

В попытке постижения бытия Мартин Хайдеггер приходит к мысли о колоссальном потенциале «присутствия» как способа осуществления «бытия для человека». «Бытие, которым отмечено всякое сущее как таковое, — пишет автор, — означает «присутствие». Осмысленное в свете того, что присутствует, присутствие выступает в качестве впускания присутствия. Впускание присутствия раскрывает свое собственное существо в том, что оно ведет в непотаенное. Впустить присутствие значит: вывести из потаенности, вынести в открытость. В конечном итоге, бытие не есть. Бытие имеет место как выход присутствия из потаенности [10, с. 72].

Аспект «присутствия» важен для понимания повседневной театральности, так как сопутствующий ему вывод бытия из потаенности в открытость подчеркивает востребованное состояние

правдоподобия бытия, — такого «присутствия», которое, возможно, не гарантирует истины, но позволяет «потаенному» стать открытым, видимым.

«Присутствие», благодаря которому проявляется бытие, присуще и адаптационной природе человека, выглядящей как драматическое поведение. Человек в общении зачастую именно «присутствует», в то время как его «подлинное» остается сокрытым в потаенном. «Присутствие», образ, представление — иллюзорны, но этого оказывается достаточно для конвенциональной синхронии социума, не стремящегося к подлинности на постоянной основе, но, возможно, грезящей о ней время от времени.

Согласно Хайдеггеру, далеко не последнюю роль в разворачивании бытия играет сущее, бытие которого «всегда мое» [14, с. 41–42, 52–53], что примечательно, «присутствие» осуществляется и разворачивается в «усредненной повседневности» [14, с. 43, 44]. В этом же модусе повседневности движется и «бытие-в-мире» как фундаментальный компонент сущего [14, с. 59].

Отметим эту обусловленность и драматические предлагаемые обстоятельства «бытия-в-мире», где модус повседневности играет не последнюю роль в разворачивании сущего, вплетая в него и окружающий мир, и других людей, и ужас смерти, и толки, и двусмысленности, и «всегда мое» бытие.

Данные предлагаемые обстоятельства сложны и требуют большой внутренней силы и решимости, чтобы их присвоить. Хайдеггер пишет о трудной решимости сущего быть, полагая, что поставленное перед самим собой, бытие открыто себе в своей брошенности. Брошенность как образ сущего подразумевает сами его возможности так, что оно понимает себя в них и из них (на них себя бросая).

«Бытие-в-мире» всегда уже в падении. Средняя повседневность «присутствия» может поэтому быть определена как падающе разомкнутое, брошенно-бросающее «бытие-в-мире», для которого в его бытии при «мире» и в событии с другими дело идет о его самом своем умении быть [14, с. 180, 181].

В этом сложносочиненном состоянии бытия философ предлагает исследовать человека, не применяя к нему заранее выбранной идеи-матрицы, на основе которой объясняется его «целое». Понимать человека предлагается через то, — «как он существует», «как есть человек». Здесь «как?» ориентирует на познание не сущности человека, а его существования.

И человек мыслится философом как «присутствие» бытия в мире, где каждый момент бытия человека определяется «озабоченностью», которая в свою очередь есть исходная структурная целость, что лежит экзистенциально-априорно «до» всякого присутствия [1, с. 31, 32]. Человек, как уникальное онтологическое событие, весь и без остатка отдан бытию, он сам является бытием, структуру которого в ее целостности следует определять как заботу [9, с. 185, 187].

Благодаря «заботе» — одному из древнейших экзистенциалов сущего [14, с. 196–200], становятся возможными преодоление бесконечной брошенности и ужаса смерти, поскольку в своем стремлении быть «ради чего» и «для чего», «забота» обуславливает, овеществляет мир, наделяет его формой, готовой к «присутствию» каждого в его личном бытии и людей в их общем «со-бытии».

«Озабочивание» сопровождает человеческое существование в ежедневном разворачивании, в самих способах пристраивания себя к миру и мира к себе. В этом контексте онтологическая «забота» функционально невероятно близка озабоченности повседневной театральности как комплекса навыков социального «присутствия» человека к его наилучшему и безболезненному существованию среди других людей.

«Бытие-в-мире» озаботилось тем, чтобы быть, и в результате такой решимости не могли не сформироваться структурные компоненты, конституирующие и проявляющие сущее в его «присутствии».

Озабоченное необходимостью быть, сущее в своем «присутствии» нуждается в определенных физических и социальных инструментах, которые достаточно прагматичны в глубинном стремлении быть, и в то же время достаточно изобретательны в демонстрации разнообразных мимикрических навыков, обеспечивающих безболезненное «со-бытие» с другими. Такими инструментами адаптации в человеческом континууме обладают драматические техники, что позволяет допустить их определенный онтологический потенциал, связывающий «театральность» с такими экзистенциалами сущего, как «бытие-в-мире» и «забота».

Размышляя о мире, что выдает себя через кажимости, о радикальной и объективной видах иллюзии, отражающих в кажимостях следы несуществования мира, следы континуитета ничто [4, с. 11], Ж. Бодрийяр приходит к одной мысли, чрезвычайно важной для данного исследования.

Он пишет: «Идентификация мира бесполезна. Мы не можем идентифицировать даже собственное лицо, поскольку его симметричность искажает зеркало. Видеть его таким, как оно есть, было бы безумием, поскольку у нас не осталось бы больше никакой тайны для самих себя, и таким образом мы были бы стерты транспарентностью».

И далее спрашивает: «Не эволюционировал ли человек в такой вид, когда его лицо остается невидимым [invisible] и когда становятся окончательно неузнаваемыми не только тайна его лица, но и любое из его желаний? ... Все вещи кажут себя без надежды стать чем-то иным, нежели иллюзией самих себя. И хорошо, что это так» [4, с. 20].

Хорошо, что это так потому, что искренность — это стезя свободного дарения, основанного на глубинном понимании и принятии себя, а также «другого». Однако, будучи обусловленным материей, несвободным от предлагаемых обстоятельств причинности, вечно проясняющим самого себя в «присутствии», человек только и успевает, что спрятать за очередным образом и представлением страх перед все еще непознанным собой и в принципе непознаваемым — «другим».

Заключение

На вопрос, почему человек театрален в повседневности, можно ответить, что это его возможность и способ безболезненного «присутствия-в-мире».

Краски, кладущиеся на холст, отражают замысел отчасти, поскольку обусловлены возможностями материи. Книга отражает замысел отчасти, так как мысль в принципе сложно передать точно. Человек в своем «присутствии» есть воплощение замысла о живой форме жизни, и, будучи обусловлен целым рядом материальных оснований, нуждается в тонко настроенном инструменте его проявления (бытия), близком по функциям обусловленности, то есть кажимости.

Театральные адаптационные техники умело складывают кажимость и потому оправданы для повседневного их применения. Феномены кажимости и повседневной театральности обладают устойчивой связью в виду их онтологической синхронии. Обоснование театральной природы человека онтологическими средствами возможно в том смысле, что, будучи порождением материального, обусловленного кажимостью, мира, человек является носителем свойств, характерных материальной обусловленности, одним из которых является свойство приспособления материи к вызовам внешней среды для адекватной реакции и самосохранения. Театральная природа человека может интерпретироваться как своего рода экзистенциал, реализующий себя с помощью комплекса навыков повседневной театральности, которая в свою очередь есть уверенная возможность человека — казаться самому себе, быть для самого себя и другого, проявляться с помощью драматического «присутствия».

Список источников

1. Арапова Э. А. Бытие человека как забота: аналитика целостности в философии М. Хайдеггера // *Инновационная наука*. 2022. № 4–1. С. 31–33.
2. Аристотель. *Метафизика* / Аристотель; пер. с древнегреч. А. Кубицкого. М. : АСТ, 2025. 448 с.
3. Багаев К. Ю. Иллюзия // *Современный философский словарь*. 1998. [Электронный ресурс]. URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/articles/141/illyuziya.htm> (дата обращения: 30.11.2025).
4. Бодрийяр Ж. *Совершенное преступление. Заговор искусства* / Жан Бодрийяр; пер. с франц. А. Качалова. М. : Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. 347 с. (Серия «Фигуры Философии»).
5. Бхактиведанта Свами Прабхупада А. Ч. *Бхагават-гита как она есть* / А. Ч. Бхагтиведанта Свами Прабхупада; пер. с англ. Изд. 4-е. М. : The Bhaktivtdanta Book Trust, 2014. 800 с.
6. Гегель Г. В. Ф. *Наука логики: в 3 кн. Объективная логика. Кн. 1: Учение о бытии* / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; пер. с нем. Б. Г. Столпнера. Прим. В. К. Брушлинского, А. П. Огурцова. М. : Академический проект, 2023. 347 с.
7. Гегель Г. В. Ф. *Наука логики: в 3 кн. Объективная логика. Кн. 2: Учение о сущности* / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; пер. с нем. Б. Г. Столпнера. Прим. В. К. Брушлинского, А. П. Огурцова. М. : Академический проект, 2023. 188 с.
8. Гиренок Ф. И. *Введение в сингулярную философию* : монография. М. : Проспект, 2023. 304 с.
9. Лифинцева Т. П. «Забота» Хайдеггера, «Бытие-для-себя» Сартра и буддийская духкха: онтология негативности // *Вопросы философии: научно-теоретический журнал*. 2015. № 7. С. 185–203.

10. Онтология. Тексты философии : учебное пособие для вузов / ред.-сост. В. Кузнецов. М. : Академический Проект; Фонд «Мир», 2012. 363 с.
11. Пивоваров Д. В. Кажимость // Современный философский словарь. 1998. [Электронный ресурс]. URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/articles/165/kazhimost.htm> (дата обращения: 30.11.2025).
12. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М. : Альфа-книга, 2023. 1311 с.
13. Рахимова М. В. «Обусловленная душа» и генетический полиморфизм: от гун материальной природы к генной предрасположенности // Миссия конфессий. 2017. № 23. С. 99–108.
14. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. [с нем.] В. В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. XI. 451 с.
15. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / [пер. с нем. Ю. Айхенвальда]. М. : АСТ, 2021. 672 с.

Сведения об авторе

М. В. Рахимова — кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин.

Information about the author

M. V. Rakhimova — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Humanitarian and Psychological-Pedagogical Disciplines.

Статья поступила в редакцию 21.12.2025; одобрена после рецензирования 25.12.2025; принята к публикации 15.01.2026.

The article was submitted 21.12.2025; approved after reviewing 25.12.2025; accepted for publication 15.01.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

The author declares no conflicts of interests.